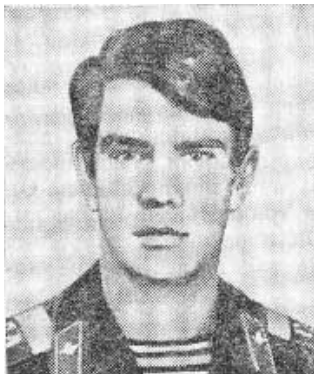

Ивонин, В. Слово о сыне / В. Ивонин // Звезды подвига : На земле Афганистана / Сост. И. М. Дынин. – М.: Воениздат, 1985. – С. 72–84.

Гвардии старший сержант Александр Григорьевич Мироненко родился в 1959 году в г. Душанбе, в семье рабочего. Окончил строительный техникум.

В мае 1978 года призван в ряды Советских Вооруженных Сил. Служил в воздушно-десантных войсках. Окончил учебное подразделение и был назначен командиром отделения разведывательной роты парашютно-десантного полка. Избран секретарем бюро ВЛКСМ подразделения.

В декабре 1979 года в составе ограниченного контингента советских войск оказывал интернациональную помощь народу Демократической республики Афганистан. 29 февраля 1980 года погиб в бою, совершив героический подвиг.

Указом Президиума Верховного Совета СССР гвардии старшему сержанту Мироненко Александру Григорьевичу присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

СЛОВО О СЫНЕ

Что знает мать о своем сыне? Наверное, все... Она помнит его с того мгновения, когда сделал он первый вздох и посмотрел в этот огромный мир... Она помнит, как сделал он свой первый шаг на еще нетвердых ножках.

Помнит мать и о первом школьном дне, и о тревожных и бессонных ночах, что пришлось провести ей у постели сына, метавшегося в бреду...

Но жизнь человеческая, начавшаяся от матери словно маленький родник, становится затем ручейком, потом полноводной рекой, которая впадает в огромное людское море. И тогда уже далеко не все знает мать о своем сыне. Как там он — в большом мире? Какие житейские невзгоды встали на его пути? Какая боль или радость па сердце?

Далеко не все знает мать о своем сыне...

Но рассказ об Александре Мироненко мне хочется начать с воспоминаний о нем его матери — Валентины Гавриловны.

...Был солнечный мартовский день. Большие сугробы снега под яркими лучами солнца как-то враз осели, стали темными и ноздреватыми. Вдоль проспекта Вернадского говорливо бежали ручьи, и искорки солнца сверкали в них. С крыш звонко падала капель. Все вокруг радовалось жизни.

Только глаза матери были печальны...

В вестибюле московской гостиницы «Салют» было шумно и многолюдно. То там, то тут грудились группы туристов — и советских, и иностранных. Звучала разноязыкая речь, люди улыбались, предвкушая незабываемые встречи с Москвой.

И только одна женщина, невысокого роста, с волнистыми русыми волосами, тронутыми ранней сединой, скромно одетая, одиноко стояла в стороне от людского водоворота. В серых глазах ее застыла непережитая боль.

— Валентина Гавриловна Мироненко?

— Да, это я...

— Мне поручено сопровождать вас на прием к командующему воздушно-десантными войсками.

— Хорошо, я готова...

Первые минуты пути в машине прошли в молчании. А потом сам собой возник разговор. И, конечно, речь пошла о нем — о сыне ее, о Саше, которого уже нет, но который всегда будет жить в сердце матери, и не только в нем одном. Ему уготована судьба славных сынов Отчизны, чьи имена навечно остаются в памяти народной.

— Каким был Саша? Он родился и вырос не на Украине, хоть по фамилии вроде украинец. Его отец — Григорий Степанович очень рано осиротел, обездолила его война. Много их тогда, в военную пору, было рано осиротевших ребятишек, кого согрела Родина, для кого стала она матерью. В детских домах Урала, Средней Азии было много детей с Украины, из Белоруссии.

Вот и Гриша вырос в детском доме в Душанбе. Там и рабочую профессию экскаваторщика получил. Вот уже не один год работает в подвижной механизированной колонне № 9. Роет каналы, дает воду иссушенной земле...

Вы бывали в Средней Азии? Тогда вы знаете, что значит там вода. Вода — это жизнь, и человек, дающий воду земле, всеми уважаемый человек.

Познакомились мы с Гришей в больнице. Сама я медицинская сестра. Хороший он человек, добрый, терпеливый и мне сразу приглянулся. Скромный, тихий, не курит и не пьет, хоть и вырос в детдоме. Чистый такой человек, ничего дурного к нему не пристает. Таким и Саша вырос. Весь в отца...

Сыграли мы свадьбу. Нет, не пышную. Какие там достатки у экскаваторщика и медсестры? А в 1959 году родился Саша. Потом Вадим — мой младший. Их двое у меня... было...

Валентина Гавриловна замолчала, задумалась.

Я понял, что перед ее мысленным взором опять — в который раз! — встал ее Саша. Высокого роста, по-спортивному стройный, с открытыми серыми глазами — совсем такими, как у матери, и такими же волнистыми русыми волосами, с чубом, непокорно спадающим на высокий лоб. Сильный, крепкий...

— Саша рано увлекся спортом. Помню, учился еще в четвертом классе, когда пришел из школы, смотрю, а под глазом у него синяк. Я всполошилась, никогда в детстве Саша ни с кем не дрался, а тут такое!

— Не волнуйся, мамуля! (Он всю жизнь так меня звал, и в письмах тоже.) Ни с кем я не подрался. Это на занятиях в секции бокса.

А как не волноваться! Гриша, правда, меня успокоил. Сказал, что пусть Саша занимается боксом, если нравится. Парень он здоровый. А сердце у него доброе, забиякой и драчуном не будет и слабого не обидит, скорее, наоборот.

И точно! Гриша словно в воду смотрел. Не обижал младших и более слабых Саша. В армии тоже. Помню, получила от него письмо. Он уже тогда сержантом был. Писал, что дела идут хорошо.

Любили Сашу товарищи, в школе у него много друзей было. По вечерам, бывало, полная квартира ребят набиралась. Саша очень любил петь под гитару, играл он хорошо и пел душевно. Песни все больше комсомольские — про Магнитку, целину. Как заведут вдвоем с Вадимом Павловым — друг у Саши был в школе закадычный — заслушаешься!

Увлечение боксом оказалось серьезным. Перед армией Саша даже на юношеских соревнованиях побывал. В Ленинград ездил. Я испереживалась вся... Саша оттуда грамоту привез, а еще больше — восторженных впечатлений. Побывал он и в Эрмитаже, и на крейсере «Аврора», был у Смольного, Зимнего... Все хотел знать, все увидеть...

После восьмого класса Александр вдруг объявил нам с отцом: пойду учиться в строительный техникум. Хочу, говорит, стать строителем. Самая замечательная и самая мирная профессия на земле. Всем людям в радость.

Я было заволновалась. Уж очень мне хотелось, чтобы сыновья среднюю школу окончили и пошли в институт. А Гриша и тут нашел добрые слова.

— Главное, Валюша, не в высшем образовании. Будет его иметь Александр, коли захочет. Главное — каким человеком будет. А растет он правильным парнем... Так и стал Саша студентом строительного техникума. Я-то знаю, он просто хотел скорее начать работать, нам помогать. Жили мы с мужем, конечно, в достатке, но без роскоши. А двух сыновей поднять надо, на ноги поставить. И поднимали! Джинсов заграничных да магнитофонов у ребят, конечно, не было. Да они ими и не увлекались, другими интересами жили. В техникуме Сашу секретарем комсомольским избрали. Во время каникул он непременно работал где-нибудь — хоть месяц. И деньги, что зарабатывал, всегда домой приносил: бери, мамуля, распорядись... А Вадим во всем на него равнялся. Так что нам легко было их растить.

Строительный техникум, в котором Саша учился, от нас недалеко был, всего несколько остановок. Саша всегда пешком до техникума ходил, с портфелем, набитым книгами. Я как-то взяла его портфель, господи, тяжесть какая!

— Саша, что у тебя в портфеле? Почему такой тяжелый?

А он смеется:

— Такой груз, мамуля, не для женщин! Там у меня гантели...

Оказывается, Саша их в портфель для веса клал, чтобы, значит, дорогу до техникума как бы для тренировки использовать. В это время он еще усерднее заниматься спортом стал. Дело в том, что еще в восьмом классе Саша решил: как будут его в армию призывать, проситься в воздушно-десантные войска. Стала я его отговаривать, ведь он и полет на самолете плохо переносил. Знаю я, летала с ним однажды. А тут прыгать с парашютом.

Только он стоял на своем, натренируюсь, отвечал. И все продолжал заниматься спортом: и боксом, и бегал, и в секцию стрелковую в ДОСААФ записался. И как отец — не курил, даже не пробовал баловаться по-мальчишески. К спиртному тоже не прикасался, пива и то в рот не брал.

Вы знаете, у нас с ним на этот счет один раз даже спор шутейный вышел. На старшем курсе техникума начал он дружить с девушкой. Хорошая девушка, Ириной звали. Что ж, дело молодое: дружба, любовь, а там, глядишь, — и о свадьбе думать надо!

— Будет у нас, мамуля, и свадьба. Только вот на нашей свадьбе ни водки, ни вина совсем не будет!

Сказал, как отрезал! И вижу — не в шутку. А мне смешно:

— Что же гости твои пить будут?

— А молоко, мама! Молочная будет у меня свадьба... Это ж надо придумать — молочная свадьба! Только не было у него никакой...

Валентина Гавриловна опять умолкла. И мне не хотелось неосторожным словом, неловким вопросом помешать сейчас матери вспоминать о сыне. Из ее бесхитростного повествования передо мной вставал образ молодого человека, умно, хоть и без всяких особых затей, возвращенного в рабочей семье. Из таких парней и получаются настоящие строители нашей светлой жизни. Не по профессии строители, хотя именно ее выбрал Александр Мироненко, а по духу. На таких людях страна держится.

Только не довелось ему стать строителем. Ему была уготована иная судьба.

— А потом пришло время Саше в армию идти служить. Добился он своего — направили его в воздушно-десантные войска.

Валентина Гавриловна задумалась... Нет, далеко не все знают матери о своих сыновьях! И о службе Александра не все знала Валентина Гавриловна, потому что не все солдат пишет в письмах домой: служба ведь военная.

А еще — очень любил и берег свою мамулю Александр Мироненко. Потому ни в одном письме — а писал он домой часто, как только мог, — не было ни слова жалобы на трудности, хотя выпало их на его долю немало. И в письме из учебного подразделения, в котором началась армейская служба Мироненко, не было ни слова о том, что не просто в ВДВ попал, а учится па разведчика.

Всем известно, сколь мужественна и романтична воинская профессия десантника. Его поле боя — в тылу врага. Если для солдата на фронте бой в окружении — это бой в особых условиях, как записано о том в боевом уставе, то для десантника такой бой — норма. Чтобы победить, десантнику надо уметь драться за десятерых, примерно столькими же специальностями владеть — быть автоматчиком и пулеметчиком, связистом и сапером, водителем и артиллеристом... Нелегко быть десантником!

Только десантнику-разведчику еще труднее. В тыл врага он идет первым. Но быть первым — в характере Александра Мироненко! Он был в числе первых учеников в школе, потом среди первых в техникуме. Не собирался отсиживаться в обозе, придя и в армию. Потому и вызвался учиться на разведчика.

В учебном подразделении Мироненко сразу заметили командиры. И нельзя было не заметить! Солдат роста десантного, хоть сейчас в парадный расчет; в ладной фигуре угадывались и ловкость, и недюжинная сила. А форма сидела как влитая. К тому же при такой силе и стати был рядовой Мироненко душевным, отзывчивым товарищем. Вечерами в короткие минуты отдыха в ленинской комнате возле него всегда собирались солдаты. А если он к тому же брал в руки гитару...

— Думаю рядового Мироненко оставить после выпуска командиром отделения — сказал как-то командир учебной роты своему заместителю по политической части. — Хороший из него командир получится.

— И воспитатель будет отличный, — согласился замполит.

Только не остался сержант Мироненко в учебном подразделении, а попросил после выпуска направить его в десантную часть. Рассудил, что ему надо быть там, где труднее. И не ошиблись офицеры из учебной роты: стал гвардии сержант Мироненко и отличным командиром отделения, и умелым воспитателем подчиненных. Под его началом в отделении служили солдаты с самыми разными характерами. Командир сумел найти подход к каждому, в каждом зажечь благородное стремление честно служить Родине. Сам Мироненко был в этом примером: никто в роте не мог с такой ловкостью и быстротой преодолеть полосу препятствий. А она сложна. Тут и рвы глубокие, и здание многоэтажное, огонь и вода. Не раз солдаты видели, как ловко и стремительно преодолевает эти преграды Мироненко, и хотели быть похожими на него.

На стрельбище после первой же очереди, выпущенной из автомата гвардии сержанта Мироненко, падали как подкошенные мишени. Во время полевых выходов, на занятиях в лесных дебрях гвардии сержант учил своих подчиненных, как надо бесшумно ходить по сухим веткам, валяющимся под ногами, как разжечь костер, чтобы дым его стлался по земле, и другим военным премудростям.

Солдаты не только отделения Мироненко, но и всей роты с уважением говорили о нем:

— С таким запросто можно идти в разведку. Эти слова, как и в военные годы, звучали в солдатских устах как высшая оценка человеческих качеств и воинского мастерства гвардии сержанта Александра Мироненко.

Комсомольцы роты избрали его секретарем бюро ВЛКСМ подразделения. И не ошиблись. Стал он комсомольской душой роты, признанным вожаком молодежи.

Прошел год службы. В конце его приказом командира полка Александру Мироненко было присвоено очередное воинское звание старший сержант, ему был вручен нагрудный знак «Отличник Советской Армии». И зимний, и летний период обучения завершал он с оценкой «отлично». Сдал он и экзамен на классность, а потом был назначен заместителем командира взвода.

Об этом узнала Валентина Гавриловна из очередного письма сына. Шли они издалека в Душанбе и не так часто, как хотелось матери. Но она все понимала и не обижалась на сына: редко выпадают солдату свободные минутки. Она читала и перечитывала его письма, полные душевной теплоты и заботы о близких: «Как твоё здоровье, мамуля? Как дела у папы? Поступил ли Вадим — мой брат в сельскохозяйственный институт, как мечтал? Пусть занимается спортом, для труда на земле это тоже пригодится».

Валентина Гавриловна исправно отвечала на письма сына: все у них в порядке, все здоровы, Вадим учится в институте и даже готов поспорить, что профессия хлебороба ничем не хуже, а может быть, и лучше, чем строителя...

Не знала мать, не сообщил ей сын, что в его армейской судьбе опять наступил крутой поворот. По просьбе законного правительства Демократической Республики Афганистан в эту страну в декабре 1979 года был введен ограниченный контингент советских войск. В числе самых первых гвардейцев-десантников был разведчик гвардии старший сержант Александр Мироненко — ее сын.

Только сердце материнское не обманешь! Как только получила письмо с обратным адресом «полевая почта...», сразу все поняла: там ее Саша! И радостно, и тревожно стало на

сердце. Еще внимательнее вчитывалась она в каждое его письмо, словно надеялась прочитать что-то между строк. А письма его были такие же — добрые и заботливые.

Вот последнее:

«Здравствуй, мамуля! Здравствуйте мои дорогие родные!

Сообщаю вам, что у меня все нормально, служу как положено. Сегодня праздник — 23 февраля, День Советской Армии и Военно-Морского Флота. Утром у нас было построение. Командир роты зачитал перед строем благодарственное письмо, которое он написал вам. Мне радостно, мамуля, что, получив его, вы будете знать, что командиры мною довольны...»

Валентина Гавриловна получила оба письма — от сына и командира — в один день — 8 марта. Она помнила, как Саша и Вадим в этот день наперебой старались доставить ей радость: незамысловатый подарок, открытку с теплыми словами поздравления. Глупенькие! Они не предполагали, что самое большое счастье матери — видеть таких сыновей.

Самый счастливый для нее день вдруг стал самым черным, словно паранджу накинули на солнце. Вечером в дом па улицу Маяковского принесли похоронку на Сашу...

Не все знает мать о своем сыне...

Пусть же услышит она из уст его боевых друзей — товарищей и командиров, как встретил свой смертный час ее первенец — гвардии старший сержант Александр Мироненко, заместитель командира взвода, комсомольский вожак разведывательной роты.

Меньше трех месяцев оставалось тогда Александру Мироненко до конца армейской службы. В конце февраля он получил боевой приказ — вести разведку в направлении горного перевала, кишлака за ним, установить наличие противника. Связь — по радио. Сигналы — ракеты.

Гвардии старший сержант Мироненко и с ним два разведчика — гвардии ефрейтор Николай Задворный и Николай Сергеев собрались по-солдатски быстро: проверили оружие — автоматы, гранаты, подсумки с патронами. Перед самым выходом Мироненко вдруг обратился к командиру роты гвардии старшему лейтенанту Александру Мостиброцкому:

— Товарищ гвардии старший лейтенант! Разрешите взять дополнительно патронов. Всякое может случиться...

— А не тяжело будет?

— Что вы! Лишний патрон солдату не в тягость! Да к тому же солдаты со мной пойдут тренированные...

— Что ж, возьмите россыпью в рюкзаки, — согласился офицер.

Словно чувствовал тогда Мироненко, что дело им предстоит жаркое. Так бывало в годы войны, когда опытный, обстрелянный солдат по только ему ведомым приметам точно определял, каким будет бой. Но откуда могла появиться бойцовская интуиция у комсомольца 80-х годов, мечтавшего о самой мирной профессии на земле — профессии строителя и, как говорится, не нюхавшего порошу? Видел Александр Мироненко, как злобны и коварны враги молодой республики, которым революция встала как кость в горле.

Трое воинов-десантников в маскхалатах двинулись вперед. Мироненко вел свою группу осторожно, передвигались короткими бросками от укрытия к укрытию. Спрятавшись за валуном, зорко оглядывали округу, подмечая, как покатится вниз камешек, стронутый с места неосторожной птицей, как заколышется под ветром куст высохшей прошлогодней травы.

Так они шли по ущелью, от камня к камню, от расщелины к расщелине, пока не открылась перед ними долина — широкая, безжизненная, хотя и раскинулся на ней небольшой кишлак. Все дома — из необожженной глины, с плоскими крышами. Каждый дом выходил на улицу глухой стеной, только в самом верху виднелись узкие, словно бойницы, окна. И дома, и поля были огорожены дувалами. Только вокруг домов они повыше, вокруг полей — пониже. Непривычный вид у селенья...

— И как живут люди? — удивился Николай Задворный. — Словно от всего мира отгородились...

— Потому и поднялся народ на революцию, что не захотел больше так жить, — отозвался Николай Сергеев.

Мироненко промолчал, продолжая всматриваться в окружающую их местность.

Кишлак словно вымер. Дворы и улицы были пустыни. Полное безлюдье... Оно-то и насторожило больше всего Мироненко. Когда деревня живет обычной жизнью, всегда у кого-то найдется хоть какое-то дело: одному надо сходить в дукан, другому что-то смастерить на своем дворе, третьего ждет поле... Но когда в кишлаки приходят душманы, люди стараются укрыться в своих домах, не попадаться им на глаза.

И еще пристальнее стали осматривать разведчики окружающие их горы, россыпи камней на склонах, улицы и дворы кишлака. Ефрейтор Николай Задворный первым заметил опасность.

— Товарищ старший сержант! — шепотом произнес он. — Справа, за камнем, душманы!

Мироненко взглянул в серо-коричневое нагромождение камней, куда показал Задворный. Сначала вроде бы ничего тревожного. Но вот над валуном показалась чалма грязно-зеленого цвета, потом человек с винтовкой наперевес перебежал к камню впереди него, поближе к затаившимся разведчикам.

— Засада, — сразу понял Мироненко. Понял он также, что они были раньше обнаружены врагами, что те не стреляют, чтобы не быть обнаруженными, хотят взять десантников живыми.

Конечно, разведчикам можно и нужно было отходить. Они установили, что кишлак занят душманами, что на пути движения роты засада. Но сколько врагов? Этого воины не знали. Поэтому старший сержант Мироненко, привыкший доводить любое дело до конца, и не давал команды на отход группы, а продолжал вести наблюдение. Они засекли еще несколько перебежек. Видно по всему, что душманов тут не один десяток.

Лишь тогда Мироненко дал команду на отход. Разведчики скрытно переползли за другую гряду камней. Здесь, укрытые от постороннего взгляда, они решили выйти на связь с ротой. Мироненко включил радиостанцию и передал в эфир сигнал, который по таблице обозначал: «Обнаружил противника в квадратах... Численность - несколько десятков человек. На дороге в кишлак - засада. Прием». Александр переключил рацию на прием, подождал с минуту, надеясь получить подтверждение, что доклад их получен. Но в наушниках слышалось лишь слабое потрескивание. Мироненко повторил передачу радиogramмы и снова не получил ответа, Было ясно — в роте их не слышали. Очевидно, радиолуч встретил на пути горную преграду и не дошел до места назначения.

Оставалось одно — дать сигнал опасности ракетой, как и было условлено. Но тогда разведчики выдавали бы свое местонахождение врагам. Те потеряли десантников в нагромождении камней. Душманы выглядывали из-за укрытий, искали их.

Разведчикам можно было скрытно продолжать отход. Но рота не получила бы сигнала об опасности, могла попасть в засаду. Нужно дать сигнал! Он дал его.

— Приготовиться к бою, — негромко сказал Мироненко товарищам. Задворный и Сергеев сразу поняли, какое решение принял командир, как поняли они и то, что ждет их. Оба сняли автоматы с предохранителя.

И тотчас из-за камней раздались выстрелы. Пуля цвиркнула по валуну — в лицо Александру ударили мелкие гранитные крошки. Разведчики обнаружили себя, предстоял бой с численно превосходящим противником. Многое здесь будет решать воинское мастерство. А его десанникам не занимать. Мироненко и его боевые друзья изготовились к ведению огня. Как только где-то над камнем показывалась голова в чалме, звучали выстрелы. Вопли врагов показывали, что почти каждая пуля находила цель.

Это еще больше бесило душманов. Их ярость Мироненко чувствовал в бешеной стрельбе, которая доносилась, казалось, со всех сторон. А может, гремит и перекачивается эхо?

— Слушайте меня, ребята, — сказал Мироненко боевым друзьям. — Будем отходить по очереди перебежками, прикрывая огнем друг друга. Отходите вы первыми. Вперед!

Задворный и Сергеев отползали от камней, из-за которых они вели стрельбу. А потом оба сразу вскочили и, низко пригнувшись, начали перебегать к намеченному ранее укрытию. Мироненко в это время поливал огнем груды камней впереди, не позволяя душманам вести прицельный огонь по солдатам.

Через пару минут Мироненко услышал сзади себя автоматные очереди. Это его подчиненные заняли позиции и теперь прикрывали его огнем, чтобы и он смог отойти. Александр быстро поднялся и побежал к товарищам. Под прикрытием их огня ему удалось преодолеть довольно большое пространство и снова спрятаться за грудой камней. Отсюда Мироненко дал еще один сигнал, — для верности. Вдруг его первый сигнал не был замечен?

Перестрелка вспыхнула с новой силой. Мироненко расстрелял уже не один магазин. Как теперьгодились те патроны, что так щедро насыпал в их рюкзаки старшина роты! Приходилось лишь поочередно прерывать стрельбу, чтобы снарядить очередной магазин.

Разведчики теперь решали другую боевую задачу. Они твердо знали, что в роте их сигналы получены, что воины-десантники спешат им на выручку. Мироненко решил связать душманов боем, отвлечь их внимание, чтобы дать роте возможность нанести удар по банде во фланг и тыл. И это им пока удавалось.

Сначала замолчал автомат гвардии ефрейтора Задворного. Мироненко видел, как тот вдруг сник, и пополз к нему, чтобы сделать перевязку. Но, приподняв голову солдата, понял, что в этом уже нет нужды. В этот момент Александр был ранен.

Потом стало тихо и за камнем, где была позиция гвардии ефрейтора Сергеева. Гвардии старший сержант продолжал вести бой в одиночестве. У него кончались патроны, почти все гранаты — оставалась одна — Ф-1, которую он положил себе под правую руку на крайний случай. Он был ранен во второй раз...

В представлении в Президиум Верховного Совета СССР на присвоение гвардии старшему сержанту Мироненко Александру Григорьевичу звания Героя Советского Союза (посмертно) его последние минуты были описаны так:

«...Дважды тяжело раненный, истекая кровью, он продолжал разить врага огнем из автомата и гранатами. Когда кончились патроны, мужественный воин достал последнюю гранату — Ф-1 и выдернул кольцо. Решив захватить гвардейца живым, бандиты бросились к нему. Выждав, когда они подошли вплотную, старший сержант Мироненко взорвал их вместе с собой, уничтожив при этом 12 мятежников».

...Он сердцем собственным гранату

Взорвал у вражьего кольца...

Последний взрыв прогремел по ущелью, и его эхо слилось с грохотом автоматных очередей. Боевые товарищи гвардейцев ударили по банде душманов с тыла. Мироненко и его друзья выполнили свой долг до конца. Банда была уничтожена полностью.

Приказом Министра обороны СССР Герой Советского Союза гвардии старший сержант Мироненко Александр Григорьевич навечно зачислен в списки Н-ской гвардейской парашютно-десантной части, в которой он служил и совершил свой подвиг.

В роте, в которой служил Александр Мироненко, сегодня уже нет ни одного солдата или офицера, который бы лично знал его. Но всегда будет стоять в подразделении кровать Героя, висеть над нею его портрет. И на вечерней поверке старшина роты первым будет называть его имя:

— Гвардии старший сержант Александр Мироненко! Каждый раз в ответ будет звучать ответ правофлангового:

— Герой Советского Союза гвардии старший сержант Александр Мироненко пал смертью храбрых при выполнении интернационального долга в Демократической Республике Афганистан!

И какие-то мгновения над строем гвардейцев будет царить тишина, сильнее забьются сердца солдат и командиров, взволнованные подвигом вашего сына.

Александр Мироненко живет и в делах армейских. В полку есть боевая машина БМД-1, на борту которой начертано его имя. Экипажи соревнуются за право водить эту машину, выполнять из ее боевого оружия упражнения стрельб за него — Героя Советского Союза гвардии старшего сержанта Александра Мироненко.

Всего двадцать лет жизни отмерила ему судьба. Кто, что стоит человек в этой жизни, измеряется не прожитыми годами, а величиим свершенных дел. Героями не рождаются, и Александр Мироненко не родился им. Но всей своей честно прожитой короткой жизнью он готовился к подвигу, и когда пробил час — совершил его, обрел бессмертие в памяти народной.